

ИСТОРИЯ

УДК 271.2-67(470.13)

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-1-198-202

ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОПОЖЕНСКИХ НАСТАВНИКОВ И КРЕСТЬЯН НА НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Т. И. Дронова

Институт языка, литературы, истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар

Анализируется проповедническая деятельность русских староверов (поморцев), проживающих в Усть-Цилемской волости Мезенского уезда Архангельской губернии в первой половине XIX в. Рассматриваются ранее неизвестные архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области, раскрывающие факты о проповеднической деятельности староверов. В рассматриваемый исторический период главным староверческим центром Нижнепечорского региона был Великопоженский скит, где трудились наставники, переписчики книг, рисовальщики настенных листов. Рассматривается деятельность его насельников как проповедников древлеправославия в сельских местностях, расположенных по р. Печоре. Проповедниками являлись не только наставники, начетчики, но и рядовые крестьяне, активно разъезжавшие по Печоре под видом ремесленников и своей проповедью и образом жизни способствовавшие обращению официально-православных людей в староверие. Основное внимание в работе уделено лжеуказу, преподносимому как «государев», распространяемому устьцилемскими крестьянами в поддержку староверов, а также с целью вовлечения населения в староверие. Лжеуказ крестьяне зачитывали в семьях, переписывали и распространяли через жителей селений. Несмотря на проводившуюся политику запрета староверия, количество людей, переходящих в староверие, неуклонно росло.

Ключевые слова: *русские, староверы-поморцы, раскол, Усть-Цильма, лжеуказ, проповедничество.*

Староверие, являвшееся вероисповеданием значительной части русского и нерусского населения севера европейской части России, определяет его большую роль как в постановке темы «Духовная культура», так и в данной работе, что стало возможным благодаря общему повороту в религиозно-христианской тематике. Полномасштабное историко-этнографическое исследование этноконфессиональной группы староверов-беспоповцев (поморцев), проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми, начато сравнительно недавно – в последней четверти XX в., когда в стране были сняты запреты на изучение староверия. Имеющиеся письменные источники крайне скудны и освещают некоторые стороны жизни нижнепечорских староверов начиная со второй половины XIX в. (преимущественно по семейной обрядности). Обращение к архивным документам, раскрывающим взаимоотношения государства/церкви и конфессиональной группы, вносит новизну в освещение проблемы развития староверия в печорском крае в первой половине XIX в., **раскрывает факторы, способствовавшие его упрочению.** Источниковой базой написания работы послужили архивные материалы, выявленные в Государственном архиве Архангельской области, ранее не опубликованные, рас-

крывающие проповедническую деятельность устьцилемских староверов в один из сложных для староверов периодов развития – вторая четверть XIX в. **Междисциплинарный подход к этнографическому изучению конфессиональной группы нижнепечорских староверов значительно расширит представления о развитии группы, в частности, факторах, способствовавших увеличению численности староверческого населения на европейском северо-востоке в условиях усиления борьбы со старообрядчеством.**

Период правления Николая I (с декабря 1825 по март 1855 г.) для староверов ознаменовался ужесточением законодательства, закрытием скитов, их уголовным преследованием. За годы его царствования было принято 426 постановлений, направленных на ослабление староверия, что составило около 80 % от всех резолюций, обращенных на борьбу с расколом [1, с. 33]. **В. Н. Водолазко** пишет: «Представляется, что противоборство царя и его администрации с ревнителями „древлего благочестия“ являлось главнейшей задачей внутренней политики государства» [там же]. После относительного затишья старообрядческие духовные лидеры были вновь встревожены и опасались вовлечения староверов в официальное православие.

На Русском Севере большое значение в сохранении и развитии староверия отводилось Великопоженскому скиту (1711–1857), возведенному на р. Пижме (приток р. Печоры) в Усть-Цилемской волости Архангельской губернии. Первая треть XIX в. была периодом наивысшего расцвета Великопоженского общежития. Скит продолжал играть значительную роль в деле распространения грамотности, утверждения староцерковной жизни не только в усть-цилемских строениях, но и за пределами волости. Великопоженские наставники развернули активную деятельность по утверждению староверия на всей Печоре, вели активную полемическую и просветительскую деятельность, поддерживали переписку по вопросам сохранения веры со староверами разных местностей, выезжали с миссионерскими целями в печорские селения, чердынский край. Молитвенники скита оказали глубокое влияние на староверов Средней и Верхней Печоры, верховьев Колвы, куда регулярно выезжали и совершали религиозные службы. Ю. В. Гагарин, исследовавший в 1960–1970-е гг. староверие в Коми крае, пишет: «Усть-Цильма и Пижма являлись рассадниками старообрядчества по всей Печоре. Начетчики с Пижмы и Усть-Цильмы месяцами жили на средней и верхней Печоре, пропагандируя старообрядчество и занимаясь требоисполнением среди местного населения» [2, с. 169–170]. Духовному просвещению способствовали и сочинения пижемских наставников, обращенные непосредственно к старообрядцам верхнепечорских скитов. Примером такого общения является полемическое сочинение по обрядовым и догматическим вопросам, составленное Великопоженским старцем – наставником Тимофеем Ивановичем и направленное против чердынских скрытников [3, с. 224]. Вместе с тем в Великопоженский скит съезжались староверы со всей Печоры с целью обучения «уставной грамоте», впоследствии благословлявшиеся на духовное служение. Известно, что пижемские духовники проповедовали и на Вашке, где благословляли удорских крестьян в наставническую должность [4, с. 62]. После закрытия Великопоженского скита в 1857 г. связь пижемских наставников со староверческими центрами коми сохранялась до середины XX в. Из отчета вологодского епархиального миссионера за 1903 г. известно, что дважды в год с целью проведения исповеди, распространения книг, икон на Верхнюю Печору приезжал пижемский наставник Ефим Чупров [5, с. 365–366]. Перед Первой мировой войной на Верхнюю Печору, в д. Вятский Норы, переселились известный пижемский наставник Ефим Тимофеевич Поздеев и его брат Тарас. Почти столетие спустя старожилы рассказывали о

наставнике – в народе именовавшемся дед Ефимка – как о «странствующем проповеднике старой веры, который на лодке, тяжело нагруженной книгами, ездил по Печоре, проводил службы и совершал различные требы. Во время своих поездок по коми старообрядческим селениям братья Поздеевы отбирали наиболее способных мальчиков и после согласования с родителями брали их к себе на обучение старообрядческой грамоте» [6, с. 64]. Известно, что коми наставники С. А. Мамонтов и Н. Г. Мартюшев, служившие на духовном поприще в 1960–1970-е гг., были в числе тех детей, обученных пижемским наставником Е. Т. Поздеевым. Ефим Тимофеевич поддерживал связь и с удорскими наставниками [7].

Во второй четверти XIX в. проповедью занимались не только наставники, но и крестьяне. Из следственных дел, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, известно, что в Великопоженском ските к проповеднической деятельности готовили крестьян, владевших грамотой, навыками в проведении простейших служб, к числу которых относятся молебны и панихиды. Обычно проповедниками становились люди, занимавшиеся кустарным производством: чаботари (сапожники), печники, портные, длительно проживавшие в селах и деревнях в семьях староверов и кроме кустарничества занимавшиеся требоисправлением и, как указывается в документах, «учительством по расколу». «Вживание» староверов в этнокультурную среду русских нестароверов и коми (зырян) происходило вполне органично, чему способствовали трудолюбие и высокая культура переселенцев-проповедников, вызывавшие, с одной стороны, уважение, с другой – сочувственный отклик у местного населения, не готового к восприятию церковных нововведений. Этому благоприятствовала и слабая миссионерская деятельность православных священников.

Особый интерес представляет проповедническая деятельность пижемских крестьян, разъезжавших по селам и деревням с указом, преподносимым как «копия указа Николая I», согласно которому царь «высочайше повелевал» старообрядцам поддерживать на местах молитвенную жизнь. Одна из копий такого «указа», называемого в документах «лжеуказом», хранится в Государственном архиве Архангельской области в деле «Переписка с епископом Архангельским и Холмогорским о розыске автора ложного указа, покровительствующего раскольникам» [8, д. 679, л. 2–3]. Текст лжеуказа приводится в приложении письма, адресованного «милостивому государю» епископом Архангельским и Холмогорским Георгием. Автор письма сообщает, что «копию с копии небывалого указа, покровительствующего расколь-

никам» он получил 28 января 1844 г. от благочинного священника Большеземельского прихода Иннокентия Попова, отобравшего лжеуказ в 1843 г. у крестьянской девки Ирины Васильевой Прошкиной, проживавшей в пижемском ските. Благочинный разъясняет, что Прошкина «в ободрение раскольников читает оную копию в разных селениях и домах и позволяет снимать разные списки». Далее автор письма пишет: «Я полагал бы нужным для пресечения и искоренения толико обманного, дерзкого и законопреступного усилия к развращению и прельщению в раскол крестьян легковерною простотою водимых, отыскав того, кто переписал эту копию с копии <...> может быть они во все скиты разосланы, а если в одном только Пижемском, то в страх прочим уничтожить бы этот скит, который еще именуется Великопоженским». Как известно из документов, уже в 1830-е гг. Великопоженский скит находился на особом контроле у духовенства. После поездки туда в 1838 г. епископа Архангельского и Холмогорского Георгия, инициировавшего расследования относительно построек скита, его жителей, было высказано предположение о реальной опасности «заражения расколом» зырян и во избежание этого высказывалось мнение о закрытии общежительства. Поэтому деятельность по копированию лжеуказа существенно ухудшала ситуацию.

Следственное дело по разысканию автора «указа» длилось три года, и в итоге был установлен переписчик одной из копий – крестьянин из д. Чуркинской Василий Чуркин, который по суду был приговорен к трехдневному заключению в тюрьме «со строжайшим внушением, чтобы на будущее не позволял себе подобных противозаконных поступков и не осмеливался обнаруживать свою ересь к соблазну православных и единоверцев». По судебному решению Ирину Прошкину также предполагалось заключить в тюрьму, но взыскания по суду были сняты после того, как она дала согласие приобщиться к официальному православию. Этому предшествовала увещательная беседа православного священника [9, д. 799, л. 1 об.]. Как известно из следственных дел, по сути староверы оставались в расколе даже в тех случаях, когда с них брали подписку о переходе в официальное православие. В рапорте в Архангельскую консисторию священника усть-цилемского прихода А. Ульяновского сообщается: «В вверенном мне усть-цилемском приходе все почти прихожане состоят в расколе и не слушают гласа пастырей церкви» [10, д. 588, л. 1]. Относительно наказания следует заметить, что, несмотря на строгость администрации по пресечению раскольнической деятельности, трехдневное тюремное заточение не представляется суровым, скорее снисходительным.

Из следственных документов XIX в. известно, что усиленному надзору со стороны православных священников подвергались не только наставники, но и сведущие в церковной грамоте крестьяне, проживавшие в волостном центре – Усть-Цильме; в удаленных деревнях жизнь духовных староверческих лидеров была более спокойной, чему, бесспорно, способствовали труднодоступность и бездорожье и в силу этого нежелание священников посещать эти места с целью искоренения раскола.

В волостном центре представители власти проводили опросы крестьян, и лишь немногие церковно-православные жители села указывали имена проповедников; в этом случае устраивали очную ставку. Крестьяне не сознавались в своих учительских делах, а прочим староверам строжайше запрещалось общинным решением свидетельствовать о них как о духовных руководителях. Многие годы они стояли «под ответом», т. е. находились под наблюдением духовных и полицейских властей. Из «Дела по предписанию о раскольниках 1853–1855 гг.» говорится: «Наставников раскольнических кои бы не скрывали своего звания между ними нет. Кроме более или менее грамотных людей, которые имеют самое вредное влияние на них против православия, при укрывательстве их всеми, по наставлениям их следующих, они остаются в совершеннейшей неизвестности» [11, д. 51, л. 6].

Благодаря выявленным архивным документам установлено: на протяжении всего XIX столетия староверие в Усть-Цилемском волостном центре неуклонно развивалось, этому способствовало массовое переселение староверов, бежавших на Печору по причине ужесточения политики Николая I, а также благодаря удаленности края, с одной стороны, и относительной пассивности церковного духовенства к искоренению староверия – с другой.

Как показало исследование, в кризисной ситуации, угрожавшей существованию традиции, в конфессиональной группе происходила мобилизация защитных механизмов за счет деятельности отдельных личностей, которые с готовностью подключались к проповеднической деятельности с тем, чтобы сохранить важнейшие элементы религиозной культуры и обеспечить ее транслирование как непосредственно на местах, так и в удаленных селениях. Сущность наставнического служения и ответственность отдельно взятых крестьян сформированы на подвижничестве, осознании личного духовного совершенствования, устремленности к спасению души и вместе с тем с четким осознанием важности сохранения староверческой традиции.

Список литературы

1. Водолазко В. Н. Старообрядчество в царствование Николая I (по материалам «Собрания постановлений по части раскола 1858 г.») // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1998. С. 33–36.
2. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. Сыктывкар, 1978. 328 с.
3. Волкова Т. Ф. К вопросу о контактах старообрядцев Низовой Печоры и Чердынского края // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001. С. 222–230.
4. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. 272 с.
5. Из дневника Вологодского епархиального миссионера за 1903 г. // Вологодские епархиальные ведомости. 1904. № 14. С. 365–366. (Часть неофициальная).
6. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. 272 с.
7. Власова В. В. Институт наставничества у коми старообрядцев. URL: <http://samstar.ucoz.ru/>
8. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 679.
9. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 799.
10. ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 588.
11. ГААО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 51.

Дронова Татьяна Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы, истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия, 167000).
E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.10.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-1-198-202

MISSIONARY ACTIVITY OF VELIKOPOZHENSKY MENTORS AND PEASANTS ON THE LOWER PECHORA DURING THE REIGN OF NICHOLAS I

T. I. Dronova

Institute of Language, Literature and History Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russian Federation

The article deals with the analysis of the evangelical activity of the Russian conservatives (pomorets) living in the Ust-Tsilemsky volost of the Mezen County of the Arkhangelsk province in the first half of the 19th century. Earlier unknown archival documents which are stored in the State archive of the Arkhangelsk region, discovering the facts about evangelical activity of conservatives are considered. During the considered historical period the Velikopozhensky monastery where mentors, copyists of books, draftsmen of wall sheets worked was the main Old Believers' center of the nizhnepetchorsky region. Activity of its monks as preachers a drevlepravoslaviya in the rural areas located on the Pechora River is considered. Preachers were not only mentors, nachshechikami, but also ordinary peasants who actively traveled along the Pechora in the guise of artisans and through their preaching and way of life helped to transform officially Orthodox people into Old Belief. The main attention in work is paid to the false decree, presented as «sovereign», distributed by the Ust-Tsilma peasants in support of conservatives a as well as with the aim of involving the population in the Old Believers. Peasants read the false decree in their families, rewrote and distributed it through the inhabitants of the villages. Despite the pursued ban policy of the Old Belief, the number of the people passing into it steadily grew.

Key words: Russians, Old-Pomorian, split, Ust-Tsilma, false decree, missionary work.

References

1. Vodolazko V. N. Staroobryadchestvo v tsarstvovaniye Nikolaya I (po materialam «Sobraniya postanovleniy po chasti raskola 1858 g.») [Old Belief in the reign of Nicholas I (on the materials of the «Collections of Resolutions on the Split of 1858.»)]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: history, culture, modernity]. Moscow, 1998. Pp. 33-36 (in Russian).
2. Gagarin Yu. V. *Istoriya religii i ateizma naroda komi* [History of religion and atheism of the people of the Komi]. Syktывkar, 1978. 328 p. (in Russian).
3. Volkova T. F. K voprosu o kontaktakh staroobryadtsev Nizovoy Pechory i Cherdynskogo kraya [To a question of contacts of Old Believers of Local Pechora and the Cherdyn region]. *Staroobryadcheskiy mir Volgo-Kam'ya* [The old believer world of the Volga-Kamya]. Perm', 2001. Pp. 222–230 (in Russian).

4. Vlasova V. V. *Starobryadcheskiye gruppy komi: konfessional'nye osobennosti sotsial'noy i obryadovoy zhizni* [Old-believers groups of Komi: confessional features of social and ritual life]. Syktyvkar, 2010. 272 p. (in Russian).
5. Iz dnevnika Vologodskogo eparkhial'nogo missionera za 1903 g. [From the diary of the Vologda diocesan missionary for 1903]. *Vologodskiy eparkhial'nye vedomosti*, 1904, no. 14, pp. 365–366 (Chast' neofitsial'naya) (in Russian).
6. Vlasova V. V. *Starobryadcheskiye gruppy komi: konfessional'nye osobennosti sotsial'noy i obryadovoy zhizni* [Old-believers groups of Komi: confessional features of social and ritual life]. Syktyvkar, 2010. 272 p. (in Russian).
7. Vlasova V. V. *Institut nastavnichestva u komi starobryadtsev* [Institute of Mentoring of the Old Believers Komi] (in Russian). URL: <http://samstar.ucoz.ru/>
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti (GAAO)* [State archive of the Arkhangelsk region]. F. 1. OP. 4. T. 1. D. 679 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti (GAAO)* [State archive of the Arkhangelsk region]. F. 1. OP. 4. D. 799 (in Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti (GAAO)* [State archive of the Arkhangelsk region]. F. 29. OP. 1. T. 1. D. 588 (in Russian).
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti (GAAO)* [State archive of the Arkhangelsk region]. F. 538. OP. 1. D. 51 (in Russian).

Dronova T. I., Institute of Language, Literature and History Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russian Federation, 167000). E-mail: t_i_dronova@mail.ru